

ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Эшонкулова Муслима Бахтиеровна

соискатель кафедры перевод и грамматика английского языка ГОУ
«Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова»
Республика Таджикистан, Согдийская область, проспект Мавлонбекова 1
muslima.eshonkulova@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается категория залога в двух разноструктурных языков – таджикский и английский. Сопоставительное изучение грамматической категории залога в двух выше указанных языков свидетельствует об их подобии и различии. Необходимо также учитывать их дистрибуцию и функциональное использование. Формы залогов в данных языках также имеют свои специфические особенности.

Ключевые слова: грамматическая категория, категория залога, синтаксическое понятие, семантическое понятие, диатеза.

THE CONCEPT OF CATEGORY OF VOICE IN INDO-EUROPEAN LANGUAGES (BY THE EXAMPLE OF TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES)

Eshonkulova Muslima Bakhityorovna

claimant of candidate degree of the department of translation and english grammar
under the SEI “Khujand State University named after acad. Bobojon Gafurov”
Address: Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand city, Mavlonbekov street 1
E-mail: muslima.eshonkulova@mail.ru

Abstract: the article examines the comparison of the grammatical category of voice in the Tajik and English languages. The comparative study of the grammatical category of voice in the two languages distributes similarity and differences. It is also necessary to take into account their distribution and functional use. The forms of voices in these languages also have their own specific features.

Key words: grammatical category, category of voice, syntactical definition, semantically definition, diathesis.

Категория залога представляет собой одну из сложнейших проблем грамматического строя индоевропейских языков. Недаром академик В.В. Виноградов еще в 1947 году писал о залоге, что “категория залога (если пользоваться этим термином для обозначения целого клубка разнородных лексико-грамматических явлений) в системе современного русского языка ярко обнаруживает свою сложную природу. В категории залога скрестились пути развития разных грамматических и лексических явлений в области глагола” [6, 501]. Поэтому учёные-лингвисты дают этой категории разнородные определения.

В 1948 году профессор Б.А. Ильиш писал: “Залог выражает отношение сказуемого к подлежащему и дополнению”[4, 191].

Как видно из этого определения, Б.А. Ильиш при определении залога учитывает синтаксическое отношение между двумя членами предложения (подлежащего и дополнения), которое находит своё выражение в форме глагола.

Группа ученых считает, что категория залога выражает отношение действия к его субъекту и объекту. Под термином “субъект” эти лингвисты понимают логическое понятие исполнителя действия, а не грамматическое понятие подлежащего. Термин “объект” обозначает предмет, который подвергается воздействию со стороны субъекта.

Б.С.Хаймович и Б.И.Роговская раскрывают содержание этого отношения. Они пишут: “Категория залога – это система двухчленной оппозиции, которая показывает, представляется ли действие как исходящее от его субъекта или же как испытывающееся его объектом” [3, 125].

Как явствует из этих определений, эти грамматисты характеризуют залог с логической точки зрения, употребляя вышеуказанные два термина науки-логики.

Профессор А.И. Смирницкий [12, 286] полагает, что категория залога выражает отношение действия к его носителю, к предмету, определяемому этим действием.

Этот лингвист учитывает онтологический аспект данной категории, увязывая её с предметом материального мира и его действием.

Профессор Г.Н. Воронцова [7, 223-224] предполагает, что данная категория выражает отношение действия к характеру участия в нем лиц или предмета, этим действием определяемого.

Как видим, она в своём определении несколько расширяет взгляд профессора А.И. Смирницкого, разделяя предмет, участвующий в действии, на лицо и не лицо, а также обращает особое внимание на характер участия лица или предмета в реализации действия. Под словом “характер”, очевидно, она

понимает, является ли предмет участником действия или же испытывает на себе действия другого участника. В первом случае она подразумевает действительный залог, а во втором страдательный залог.

Р.В. Басова [1, 27] считает, что категория залога выражает характеристики действия относительно его происхождения с точки зрения лица (предмета), к которому это действие предидируется.

В этом определении также учтена онтологическая сторона проблемы залога. Его автор обращает внимание на происхождение действия и его последствия, т.е. в одном случае констатируется совершение какого-либо действия кем-то над чем-то или кем-то (актив), а в другом случае подчеркивается его результат, т.е. испытывание объектом от действий со стороны субъекта (пассив).

М.А. Беляева [2, 82] считает, что категория залога выражает тот факт, что подлежащее совершает действие, т.е. является производителем действия (актив), или что оно подвергается воздействию извне (пассив). В данном определении учитывается только грамматический аспект этой категории.

Учёный с мировым именем Р. Якобсон, анализируя глагольные категории, разграничивает понятие сообщаемого факта, факта сообщения и участников того и другого факта. Залог, по его мнению, “характеризует отношение между сообщаемым фактом и его участниками безотносительно к факту сообщения или говорящему лицу” [16, 101]. В этом абстрактном определении Р. Якобсон привлекает внимание читателя к тому, что кто-то сообщает о какой-то ситуации материального мира, в которой участвуют определённые предметы, и они производят какие-то действия, и в результате этого действия возникают определённые отношения между его участниками. В результате этого отношения происходит воздействие одного участника на другого, что становится причиной изменений в статусе другого партиципианта данной ситуации. Как видим, в своём определении Р. Якобсон учитывает онтологический фактор данной категории.

Из этого краткого обзора вытекает, что залог связан не только с формой глагола и синтаксическими понятиями подлежащего и дополнения, но и с логическими понятиями субъекта и объекта и с взаимоотношениями между предметами материального мира.

Согласно А.А. Холодовичу, “Диатеза – это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Отсюда простой переход к определению залога: залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня

и единицами семантического уровня. Короче, залог—это грамматически маркированная в глаголе диатеза” [14, 284].

Данное определение диатезы нуждается в комментировании. Автор этой статьи под термином единицы синтаксического уровня понимает подлежащее и дополнение. Его термин “единиц семантического уровня” обозначает логические понятия субъекта и объекта действия. Субъект – это тот предмет или лицо, которое выполняет действие, а объект—это тот предмет или лицо, на которое направляется действие субъекта. В предложении “The hunter killed the lion – **Шикорчй шерро кушт**” слово “hunter” обозначает исполнителя действия “убивать” и поэтому “hunter”(ш**икорчй**) считается субъектом. Слово же “lion” (ш**ер**) обозначает тот предмет, который не действует сам, а на которого направлено действие охотника. В результате этого действия страдает лев, и поэтому лев считается объектом действия “убивать”. Слово “убил” обозначает действие, которое совершается субъектом “hunter (ш**икорчй**)” и направлено на объект “the lion (ш**ер**)”. Все эти три термина (субъект, объект и предикат) представляют собой понятия логического порядка и их А.А Холодович называет единицами семантического уровня.

Данное предложение анализируется также с точки зрения грамматики, т.е. синтаксиса. С синтаксической точки зрения “the hunter” является подлежащим, “killed (кушт)” – сказуемым и “the lion (шер)” – дополнением. Эти три термина являются понятиями синтаксического порядка.

Если накладывать понятия семантического уровня (субъект, предикат, объект) на понятия синтаксического уровня (подлежащее, сказуемое, дополнение), то получается что субъект соответствует подлежащему, объект дополнению и предикат – сказуемому. Вот такое соотношение называется схемой соответствия между единицами семантического и синтаксического уровней.

Вышеуказанное предложение можно преобразовать в следующее предложение: The lion was killed by the hunter – **Шер аз тарафи шикорчй кушта шуд**, где подлежащим является не слово “hunter (ш**икорчй**)”, а слово “lion (ш**ер**)”, которое обозначает объект действия “убивать”. Вопреки первому варианту данного предложения, во втором его варианте подлежащее соответствует объекту. Предложный оборот “by the hunter (аз чониби ш**икорчи**)” с синтаксической точки зрения является дополнением, а с семантической точки зрения этот оборот обозначает субъект действия “убивать”. Здесь синтаксическое понятие дополнения соответствует семантическому понятию субъекта.

Как видно, в первом варианте данного предложения наблюдается одна схема соответствия, т.е. подлежащее соответствует субъекту, а дополнение – объекту. Во втором же варианте наблюдается совсем другая схема соответствия, т.е. подлежащее соответствует объекту, а дополнение – субъекту. А если обратить внимание на форму глагола, то в первом случае он имеет форму “killed – кушт”, а во втором варианте он стоит в форме “was killed – кушта шуд”. Вот эти две формы служат для выражения различных схем соответствия между понятиями семантического (логического) и синтаксического уровней. Поэтому А.А. Холодович под залогом понимает обозначение при помощи форм глагола различные соответствия между единицами синтаксического и семантического уровней. Когда подлежащее соответствует субъекту, а дополнение объекту, то говорят, что глагол стоит в форме действительного залога. Но когда подлежащее соответствует объекту, а дополнение субъекту, то глагол употребляется в форме страдательного залога.

Бывают и другие виды соответствия между понятиями семантического и синтаксического уровней. Если сказать “Они поцеловались – **Онхо бӯсобӯсӣ карданд**”, то подлежащее “**Онхо**” выступает то как субъект, то как объект, т.е. они (две подруги) совершили по отношению к друг другу одинаковые действия, т.е. первая из них поцеловала другую и вторая поцеловала первую. Такое соответствие называется реципроком или взаимным залогом.

Если сказать: Он побрился – **Ў ришашро гирифт**, то действие “бриться (**риш гирифтан**)” исходит из субъекта он (**ӯ**) который является подлежащим и оно обратно направляется на него самого (**худро, ашро**). В данном случае “**ӯ**” обозначает и субъект, и объект действия. Такое значение называется рефлексивным или возвратным залогом.

Если сказать: “The door opened – **Дар кушода шуд**”, то остаётся неизвестным, кто является субъектом действия “открывать”, т.е. дверь либо сама открылась, либо кто-то открыл её. Такое значение называется медиальным.

В языках мира пытаются выявить способы проявления вышеуказанных схем соответствия между понятиями семантического и синтаксического уровней. Однако эти пять значений имеют свои маркеры не во всех языках мира. Поэтому в одних языках находят пять залогов, в других четыре, в третьих три, и в четвертых два залога. Есть в мире отдельные языки, у которых вовсе отсутствует категория залога.

Однако чуть позже в работе одного из ведущих сотрудников указанной группы лингвистов В.С. Храковского даётся несколько иное определение диатезы. Он пишет: “Диатезу необходимо трактовать как соответствие единиц не двух уровней: семантического и синтаксического, а трёх: референтного, или

уровня участников абстрактных ситуаций (другие термины: партиципанты, исполнители), семантического, или уровня ролей и третье – синтаксического, или уровня актантов” [16, 14].

Как видно, В.С. Храковский добавляет третий уровень в систему диатез и называет его референтным. Он считает, что без учёта референтного уровня нельзя дать адекватного описания рефлексивного и реципрокного преобразования. В заключении он приходит к выводу: “Будем называть диатезой соответствие единиц трёх уровней: 1) уровня референтов, единицы которого обозначаются, как А, Б, В, ...; 2) уровня обобщённых семантических ролей референтов, единицы которого обозначаются как Sb, Ob1, Ob2, Ob3, ...; 3) участников языковой структуры (=имён референтов), т.е. актантов, единицы которого обозначаются как П, Дпр, Дк, Даг”.

Более того, как пишет сам В.С. Храковский, “известны другие случаи, когда разные диатезы одной лексемы обслуживаются одной и той же глагольной словоформой, которую в этом случае нельзя называть залоговой” [15, 58].

В качестве подтверждения этой мысли можно привести два примера из английского языка: John opened the door – The door opened. В первом случае “opened” обозначает активную диатезу, а во втором случае та же самая словоформа “opened” выражает медиальную диатезу.

Возьмём два примера из таджикского языка: 1) **Махбуба ва Мақсуда якдигарро бӯсиданд.** 2) **Махбуба ва Мақсуда кӯдакро бӯсиданд.**

В первом примере словоформа «бӯсиданд» обозначает два отдельных действия двух лиц, воздействующих друг на друга, т.е. “бӯсиданд” выражает значения взаимного залога. Во втором же примере эта же словоформа “бӯсиданд” имеет значение действительного залога.

Такая двузначность одной глагольной словоформы в английском и таджикском языках приводит нас к мысли о том, что теория залогов и диатез порою не срабатывает в этих языках. Она иногда не приложима и к материалу русского языка. В частности, русские глаголы с постфиксам «-ся» в одном случае выражают значение возвратного залога, а в другом – значение страдательного залога. Например: 1) Этот карандаш сломается быстро. 2) Этот дом строится нашими рабочими. В этих двух словоформах с постфиксом «-ся» имеются разные диатезы.

В первом случае мы имеем следующую диатезу:

Субъект	Объект
_____	Подлежащее

Диатеза второго предложения выглядит следующим образом:

Подлежащее	Дополнение
Объект	Субъект

Поэтому Е.В. Падучева пишет, что “деление семантических актантов на субъект и объект не полностью определяется их ролью в ситуации” [11, 219]. Это высказывание Е.В. Падучевой и вышеуказанные факты из английского, таджикского и русского языков, а также использование терминов и понятий логики при интерпретации грамматического явления залога наталкивает нас на мысль, что существующая теория диатез и залогов не является безупречной. Она очень сложна и порою противоречит языковым фактам, и к тому же её трудно понимать. Наша учёба в вузе и наш опыт преподавания английского языка в высшей школе свидетельствуют о том, что подавляющее большинство студентов не могут вникать в суть понятий диатезы и залога. Это происходит, очевидно, потому, что термин “субъект” в английском языке звучит как “subject”, который обозначает понятие подлежащего. Термин “объект” в английском языке звучит как “object” и он означает дополнение. В силу этого при объяснении понятия диатезы студентам кажутся странными такие обороты речи, как “соответствие подлежащего субъекту” и “соответствие дополнению объекту”. В их понимании эти речевые обороты означают “соответствие подлежащего подлежащему” и “соответствие дополнения дополнению”.

Такая путаница вынуждает нас при интерпретации категории залога осторожно обращаться с теорией диатез и залогов и реже использовать термины логики типа “субъект” и “объект” и шире употреблять термины грамматики “подлежащее” и “дополнение”, так как при объяснении других грамматических явлений языка в учебниках используются соответствующие термины грамматики, а не логики. Прав в этом отношении Ф.С. Мурсалов, который пишет, что “при

установлении грамматического значения и грамматической формы категории залога следует ориентироваться на глагол, и только на глагол” [10, 9]. Ещё до разработки теории диатез и залогов А.А. Холодовичем и его группой профессор А.В. Исаченко в 1960 году писал: “То, что является решающим для характеристики глагольного залога в собственном смысле этого термина, сводится к разнице в природе отношений между подлежащим (S) и глаголом (V). Пытаясь вскрыть грамматическую природу залогов, мы, в первую очередь, должны будем отказаться от некоторых “неграмматических” понятий и терминов, неизменно фигурирующих в изложениях о грамматической природе залогов. К таким “неграмматическим”, т.е. по природе своей чисто неграмматическим понятиям относятся “производитель действия” (“агент”...) и “реальный объект”, “цель действия”. Для грамматического анализа замена грамматических отношений логическими ничего не даёт, поэтому для разграничения страдательного от действительного залога он вводит синтаксическое понятие “направленность действия” [53, 354].

Следует отметить, что термин А.В. Исаченко “направленность действия” не является новым. Ещё в середине 50-х годов XX-го века М.М. Гухман в своей докторской диссертации писала о направленности действия. По этому признаку она действия подразделяет действие на центробежное и центростремительное [8, 189].

Центробежным она называет такое действие, которое исходит из подлежащего и направлено на дополнение. А центростремительным она считает такое действие, которое исходит из косвенного дополнения и направлено на подлежащее. Например: **Самад мӯзаро гирифт** (154) – Samad took the boots. Здесь действие “took” (**гирифт**) является центробежным, поскольку подлежащее считается центром предложения, и от него действие стремится слева направо. А в предложении “**Мӯза аз тарафи Самад гирифта шуд**” – “The boots were taken by Samad” действие “**гирифта шуд**” – “were taken” является центростремительным, так как оно исходит от дополнения “**аз тарафи Самад**” (by Samad) и стремится справа налево в направлении подлежащего “**мӯза**” (the boots).

Эта точка зрения поддержана профессором М.Я. Блохом. Профессор А.И. Смирницкий также видел разницу между формами действительного и страдательного залогов в характере направленности действия [12, 265].

Эта точка зрения поддерживается К. Усмановым, который считает, что при актив2 е действие является центробежным, а при пассиве–центростремительным [13, 131].

Профессор А.В. Бондарко также находит разницу между активом и пассивом в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю [4, 45].

Как явствует из краткого обзора, сторонников взгляда о связанности категории залога с направленностью действия немало. Мы также присоединяемся при определении категории залога к тем лингвистам, которые видят разницу между залоговыми значениями в характере направленности действия, так как эта концепция рассматривает залог как явление грамматического порядка.

Список использованной литературы:

1. Басова, Р.В. Категория страдательного залога в современном английском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Басова Раиса Васильевна. Л., 1971. –27с.
2. Беляева, М.А. Грамматика английского языка. М.: Изд. Литературы на иностранных языках. М., 1959. –340с.
3. Бирюлин, Л.А. Проблемы универсальной теории залога (о специфике форм с возвратным и взаимным значением). // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов. М., 1974. –с. 86-87
4. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике. Залог и залоговость / А.В. Бондарко // Вопр. языкознания. 1972, № 3. – с. 20–35.
5. Бондарко, А.В. Теория значения и трактовка категории залога. В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: «Наука», 1978. – с. 43–49.
6. Виноградов, А.А. Русский язык. М.: «Высшая школа», 1972. –614с.
7. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд. Литературы на иностранных языках, 1960. – 398с.
8. Гухман, М.М. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках. Дис. докт. филол. наук: 10.02.04 / Мирра Моисеевна Гухман, М., 1955. –с. 189–211.
9. Исаченко, А.В. Грамматический строй русского в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1960. –398с.
10. Мурсалов, Ф.С. Пассивные конструкции в современном английском и азербайджанском языках. Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / Фаик Сади-оглы Мурсалов. Баку, 1984. –27с.
11. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974. –292с.

12. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1959. –440с.
13. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1959. –440с.
14. Усмонов К. Грамматикаи назарии забони англисӣ / К. Усмонов. Душанбе-Худжанд: «Нури маърифат», 2011. –236с.
15. Холодович, А.А. Залог (определение и исчисление) / А.А.Холодович / Категория залога (материалы конференции). Л., 1973. – с.13–27.
16. Храковский, В.С. Диатезы и референтность //Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: «Наука», 1981. –с.8–17.
17. Jacobs, R.A. English Syntax. Oxford University Press, 1955. – 378p.